

УДК 316.658:004

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ
ПОСРЕДСТВОМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ**

А.М. Демильханова, О.Г. Денисова

Проведено исследование формирования образа конфликтной ситуации сирийского конфликта в англо- и русскоязычных электронных СМИ (на примере электронных версий таких печатных изданий, как: The Guardian, Washington Post, New York Times, Коммерсантъ, Известия, Аргументы и факты).

Ключевые слова: конфликт; сирийский конфликт; СМИ; дискурс; манипуляция общественным сознанием; приемы манипуляции.

**FORMATION OF CONFLICT SITUATION'S IMAGE
BY THE USE OF MASS MEDIA**

A.M. Demilkhanova, O.G. Denisova

The article is about the Syrian conflict's image formation in English and Russian electronic mass media (on the example of such newspapers' electronic versions as The Guardian, Washington Post, New York Times, Kommersant, Izvestia, Arguments and Facts).

Key words: conflict; Syrian conflict; mass media; discourse; public consciousness manipulation; manipulation techniques.

Одним из развивающихся в настоящее время социальных конфликтов является вооруженный конфликт в Сирии. Черeda социальных конфликтов, охвативших всю Северную Африку и часть Азии и начавшихся с Туниса и Египта в 2010 г., не прекращается до сих пор. Начало конфликту в Сирии было положено отдельными выступлениями в январе 2011 г., которые в марте приняли массовый и организованный характер. Этот конфликт продолжает разгораться и по сей день, несмотря на многочисленные попытки его урегулирования.

Целью нашего исследования явилось сравнительное изучение представленных в англо- и русскоязычных СМИ материалов, посвященных событиям в Сирии после начала столкновений. Нами анализировались электронные версии таких печатных изданий, как: The Guardian, Washington Post, New York Times, Коммерсантъ, Известия, Аргументы и факты. Временной промежуток: 1-я точка – начало событий, март 2011 г., вторая точка – декабрь 2011 г., 3 и 4-я точки – с интервалом в 1 год, т. е. декабрь 2012 и 2013 гг.¹

¹ В силу значительного объема публикаций выборка носила спорадический характер.

Основным методом исследования был контент-анализ а также дискурс-анализ как ряд подходов в социальных науках, целью которых является критическое исследование дискурса, а основными задачами – анализ соотношения сил в обществе, при осуществлении которого формулируется нормативный подход, с позиции которого можно критически проанализировать эти соотношения в связи с социальными изменениями [1]. Основной гипотезой нашего исследования являлось предположение о том, что разные СМИ используют различные методы манипулирования общественным сознанием с целью формирования нужного им образа определенной социальной ситуации (что и может быть выявлено с помощью указанных выше методов).

Согласно Т. Ван Дейку, имея возможность управлять производством дискурсов, можно влиять на общественное сознание, утверждать нужную идеологию. Т. Ван Дейк выделил в дискурсе определенные структуры, разделив их на локальные (грамматику предложения и грамматику текста), глобальные структуры (схематические суперструктуры и тематические макроструктуры)

и структуры, пронизывающие все уровни (структурирование по принципу релевантности и риторические структуры) [2].

Грамматика текста описывает семантическое распределение ролей на уровне текста, т. е. на уровне семантической, функциональной и когерентной связности предложений. Если текст не связан, то он не будет восприниматься читателем, не будет понят. Главные топики текста, выявляемые тематическими макроструктурами, остаются в памяти читателей. Что касается схематических суперструктур, то “при производстве текста учитываются правила схематического структурирования в целях экономии времени и более полного изложения события на пространстве текста меньшей протяженности” [2]. Структурирование по принципу релевантности предполагает расположение главной информации всегда на первом месте, а риторические структуры подразумевают придание большей убедительности высказываниям, следовательно, лучшее запоминание, воздействие¹.

Описывая определенные события и образы, средства массовой коммуникации формируют определенное их восприятие, отражение, реакцию на них массового сознания. По мнению канадского философа Маршалла Маклюэна, в современную эпоху средства массовой коммуникации начинают выполнять функции идеологического, политического влияния, организации, информирования, просвещения, развлечения и поддержания социальной общности [3].

СМИ не просто освещают событийный ряд определенного происшествия, но и придают ему определенную эмоциональную окраску. “В процессе освещения военных событий СМИ формируют дискурсивные версии действительности, посредством которых задается программа, ориентирующая читательскую аудиторию. Дискурсивные версии действительности (вос)производят стереотипы и предубеждения” [4]. Отношение социальных групп к военным действиям зачастую зависит от того, как эти события преподносятся СМИ. Здесь можно говорить даже о программировании мышления, так как читательской аудитории преподносится уже готовое мнение (интерпретация действительности), помещенное в какой-либо идеологический шаблон” [4].

Кроме того, для формирования определенного впечатления используются грамматические конструкции. Употребляясь в активном залоге, одни из них обозначают активные враждебные действия, а другие – в пассивном залоге – тот факт,

¹ См. подробнее: Ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация. М., 1989.

что другая сторона, например, армия, только реагирует на эти действия. При работе с глаголами особое внимание уделяется грамматической категории залога в связи с важностью противопоставления деятеля и жертвы и выявления идеологической ориентации автора/редакции, определяющей объект и субъект действия [4].

Достаточно наглядными примерами в нашей выборке являются следующие²: “Syrian reaction to Assad’s speech” (Реакция сирийцев на речь Асада) – *AlJazeera*, “Chemical Arms Used Repeatedly in Syria” – *New York Times*, “A chemical weapons attack kills (Химическая атака убивает...) 1,400 in Syria”, “US president reacts (Президент США реагирует на...) to reports that sensitive chemical weapons parts have been moved around the country by the Assad regime”³ – *The Guardian*.

Эффект аргументированности достигается цитированием. В военном дискурсе прессы очень часто используются ссылки на высокопоставленные источники, не пожелавшие назвать себя (также прием манипуляции) [4]. В качестве иллюстрации этого приема можно рассмотреть следующие заголовки – *New York Times*: “Lebanon says army fired on Syrian helicopters”; *Al Jazeera*: “Syria Crisis Is Worsening, U.N. Relief Official Says”, “Jihadist Groups Gain in Turmoil Across Middle East”, “Top U.N. Rights Official Links Assad to Crimes in Syria”. Говорится о чиновниках, делающих заявления, о неопределенных группах, перемещающихся через всю территорию, но не называются конкретные имена.

Те же приемы широко применяются и такими изданиями, как *Washington Post* и *The Guardian*. Упомянуты активисты, чиновники и даже просто источники. *Washington Post*: “Airstrikes by Syrian government kill at least 50 in rebel-held town near Aleppo, activists say” (по заявлениям активистов, BBC правительства Сирии...), “Syrian conflict’s sectarian, ethnic dimensions growing, U.N. warns” (ООН предупреждает, фанатичные, этнические признаки сирийского конфликта увеличиваются), “Israeli officials say Assad is doomed” (Израильские чиновники заявляют, что...).

The Guardian: “Nato and US officials say (Представители НАТО и американские чиновники заявляют...) short-range missiles detected looked

² Здесь и далее приведены выводы, основанные на данных дискурс-анализа.

³ Перевод дан частично, поскольку может существенно исказить не только структурную составляющую языковых выражений, но зачастую меняет смысловой контекст, что является значимым аспектом такого метода, как дискурс-анализ. В силу этого заголовки приведены на языке оригинала.

like Scuds, as Syrian opposition wins international recognition”.

Анализируя приемы манипулятивного воздействия на массовое сознание посредством СМИ, А.Г. Рихтер [5] среди прочих выделяет такие, как:

➤ **Натурализм описания реалий войны** (убитые, раненые, части тел и т. п.) вызывает крайне негативное отношение общества к описываемой действительности.

Al Jazeera: “Attacks on Lebanon army posts leave five dead”, “At least 125 people killed and scores injured by army air raids on rebel districts in Aleppo city” (По меньшей мере 125 погибших и десятки раненых в результате налетов на повстанческие районы...), “At least 24 killed, mostly women and children, in two bomb attacks south west of Damascus” (По меньшей мере 24 жертвы, в основном женщины и дети, в результате 2 бомбардировок...).

New York Times: “Dozens Are Killed in Syrian Violence” (Десятки убиты в Сирийском насилии), “In Syria, Thousands Protest Killings” (тысячи протестующих погибли) и т. д. *Washington Post*: “Airstrikes by Syrian government kill at least 50 in rebel-held town near Aleppo, activists say” (По утверждению активистов, ВВС сирийского правительства убило по меньшей мере 50 человек в удерживаемом повстанцами городе...).

The Guardian: “A chemical weapons attack kills 1400 in Syria” (В результате химической атаки в Сирии погибло 1400 человек), “Syrian crisis ‘could kill 100000 in next year’” (Сирийский кризис убьет 100 000 человек в следующем году), “Syria blames al-Qaida after two car bombs kill dozens in Damascus” (Сирия обвиняет Аль-Каиду в 2 взрывах, убивших десятки в Дамаске).

Коммерсантъ: “Они убивают даже детей”. *Известия*: “В Сирии расстреляны более 70 военных-дезертиров”, “От взрывов в Сирии погибло около 30 человек”, “За три дня в Сирии погибло более 100 человек”. *АиФ*: “В Сирии погиб внештатный корреспондент Reuters”, “Сирийская авиация убила более 60 человек, стоявших в очереди за хлебом”.

Англоязычные СМИ уделяют гораздо большее внимание не только описанию самой ситуации, но и использованию приема натурализма в описании гражданской войны в САР. Целью подобного воздействия может являться формирование негативного отношения к событиям в регионе и оправдание последующего вмешательства в данную ситуацию.

➤ **Деперсонализация действующего лица** (отсутствие личностных характеристик) ограничивает сочувствие к описываемой стороне.

Коммерсантъ: “Сирийская оппозиция не даст себя объединить”, “Оппозиция обвиняет власти в применении химического оружия”. *Известия*: “Россия опасается победы сирийской оппозиции”, “Сирийская оппозиция не верит в сохранение власти за Асадом”. *АиФ*: “Оппозиция отказалась ехать в Москву на переговоры”, “Сирийская армия впервые использовала химическое оружие против оппозиционеров”.

Al Jazeera: “Syrian fighters join forces against al-Assad” (Сирийские бойцы присоединились к силам, поддерживающим оппозицию), “Syrian soldiers ‘killed by army defectors’” (сирийские солдаты убиты дезертирами).

The Guardian: “Syrian crisis ‘could kill 100,000 in next year’” (сирийский кризис может убить 100000 в следующем году).

New York Times: “Russia Urges Assad to Negotiate with His Opponents” (Россия побуждает Асада к переговорам с оппонентами), “Syria Fires More Scud Missiles at Rebels” (Сирийские войска продолжают обстреливать повстанцев).

Washington Post: “Islamic charity officials gave millions to al-Qaeda, U.S. says” (исламские благотворители предоставляют миллионы Аль-Каиде, как заявляет США), “More than 100 dead in Aleppo airstrikes; United Nations warns of ‘terrifying situation’” (более сотни погибших в результате авиаударов в Алеппо; ООН предупреждает об ухудшении ситуации).

В приведенных примерах нет никакой личной информации, даже не упоминаются статусы или имена источников информации. Действия совершаются безличными силами – Сирией, чиновниками, ООН, активистами, армией, что формирует впечатление огромной “машины”, противостоять которой если не невозможно, то весьма затруднительно.

В то же время *Washington Post* достаточно широко представляет персонализацию Б. Обамы “Obama hails progress on loose nukes, warns of chemical weapons risk in Syria” (Обама призывает к ядерному разоружению в связи с угрозой применения химического оружия в Сирии), “Obama warns Syria amid rising concern over chemical weapons” (Обама предупреждает Сирию на фоне растущего беспокойства о химическом оружии). Персонализация же, напротив, ведет к формированию определенного отношения к конкретной личности, по меньшей мере, выделению ее из общей “массы”, восприятию ее как носителя вполне конкретной силы. В данном случае можно говорить о демонстрации конкретных намерений Б. Обамы как легального и легитимного представителя определенной страны и выразителя ее интересов на мировой арене.

Следует отметить отдельно, что в *The Guardian* значительная часть высказываний персонализирована: “Syria military police chief defects to rebels” (Глава сирийской полиции...), “The Russian foreign minister says his country will not be an intermediary between Syrian president and those who want him to leave and seek safe haven abroad” (Министр иностранных дел РФ...), “Russian deputy foreign minister’s comments come as Syria rebels say 21-month conflict has reached turning point” (Зам. министра иностранных дел РФ прокомментировал...).

Персонализация высказываний формирует доверие к конкретному источнику информации, создает впечатление объективности при освещении событий. Кроме того, подобные конструкции могут быть рассмотрены как довод к авторитету – ссылка на авторитетную, значимую личность, которая избавляет от необходимости аргументации определенной точки зрения, перекладывает ответственность за приведенные высказывания на высказывавшую их личность.

- Постоянное упоминание об угрозе распространения конфликта за пределы региона пугает массовое сознание угрозой личного благополучия, повышая личную заинтересованность каждого читателя в скорейшем решении конфликта. Локализация событий в рамках отдельного региона или конкретной страны вырабатывает безразличность массового сознания к войне. *Коммерсантъ*: “Сирийская война становится мировой”. *Al Jazeera*: “Assad: Global plot against Arab nation” (Глобальный заговор против арабской нации). *New York Times*: “To Save Syria, America Needs Russia’s Help” (Для спасения Сирии Америке необходима помощь России), “Syria’s Chaos A Test for US” (Сирийский хаос – проверка для США). *Washington Post*: “Syrian conflict said to fuel sectarian tensions in Persian Gulf” (Сирийский конфликт способствует религиозной напряженности в Персидском заливе), “Syria’s revolt a threat to neighbor” (Сирийский мятеж представляет угрозу для соседей). *The Guardian*: “As there’s no model for the war in Syria, it’s impossible to forecast how the fallout will affect the region” (Модели сирийской войны нет, невозможно предсказать, как конфликт повлияет на регион), “A year of uprisings and revolutions: uncertainty reigns in the Arab world” (Год бунтов и революций: в арабском мире царит неопределенность).
- **Солитаризация** – это принятие какой-либо стороны конфликта (прямое наименование “свои”, “наши”, “они”, “враги”). Аудитории навязывается симпатия к описываемой соци-

альной группе. *Washington Post*: “The Obama administration is willing to support a Syrian rebel coalition that would include Islamist groups” (“Администрация Обамы готова поддержать коалицию сирийских повстанцев, которая будет включать в себя исламистские группы”). *New York Times*: “Iran remains a destabilizing force in Syria, and its neighbors view its efforts to prop up President Bashar al-Assad” (“Иран остается дестабилизирующей силой в Сирии, а соседи наблюдают за его попытками поддержать президента Башара аль-Асада”).

Коммерсантъ: Комиссар по правам человека обвиняет президента Сирии в военных преступлениях; *Известия*: Сирийский лидер Асад откестился от военных репрессий; *АиФ*: Сирийская авиация убила более 60 человек, стоявших в очереди за хлебом.

Подводя итоги нашего исследования, можно отметить следующие моменты:

В *Al Jazeera* в основном описывается ситуация как негативная (22 %) ¹, также достаточно часто встречается описание жертв (18 %), в то время как упоминания личности Б. Асада и поддерживающих его правительственных сил встречаются на 60 % реже. В целом больше внимание уделяется описанию ситуации с использованием военной специальной терминологии.

В *Коммерсантъ* как негативные описываются основные участники-оппоненты конфликта, т. е. Б. Асад (20 %) и представители оппозиции (16 %). Также значительное внимание уделяется описанию вмешательства третьей стороны (44 %), которое в целом оценивается как негативное (16 %). *АиФ* и *Известия* примерно равное внимание уделяют негативному описанию как ситуации (14 %), так и лично Б. Асада (23 %). При формулировке заголовков используются манипулятивные приемы, такие как гиперболизация и метафоризация сюжета. “Сирийская авиация убила более 60 человек, стоявших в очереди за хлебом” (*АиФ*).

В целом российская пресса уделяет значительно меньше внимания описанию сирийского конфликта.

The Guardian негативно представляет как личность Б. Асада (16,5 %), так и легитимную на настоящий момент власть (15,5 %), а также ситуацию в целом (17 %). Оппозиция представлена объективно, описания сочетают как позитивные, так и негативные контексты. Также значительное внимание уделяется описанию позиции силы третьей

¹ Здесь и далее приведены результаты контент-анализа.

стороны (20 %), подчеркивается при этом противостояние РФ и США.

Washington Post крайне негативно описывает ситуацию (18 %), также достаточное внимание уделяется негативной оценке действий легитимной власти (9,6 %). Позиция Б. Асада представлена в достаточной мере объективно, с использованием как позитивных, так и негативных сторон. Четко выражена поддержка США как третьей стороны, участвующей в конфликте и поддерживающей оппозицию и в том числе связанную с террористическими группами.

New York Times крайне негативно описывает личность Б. Асада (23,6 %), подчеркивает его связь с хакерами и Аль-Каидой, а также подчеркивает негативность ситуации в целом (15,5 %). Значительное внимание уделяется описанию третьей стороны, в основном в негативном и угрожающем аспектах (21,6 %).

В целом русскоязычные СМИ меньше внимания уделяют описанию конфликтной ситуации в САР в целом, но в то же время представлен негативный «образ врага» (Б. Асад и правительственные силы, армия). Позиция силы РФ не является ярко выраженной. В англоязычных СМИ количество репортажей, посвященных данной теме в 7–8 раз больше, четко выражена позиция силы третьей стороны¹, значительное внимание уделяется описанию ситуации как негативной.

¹ Данные анализа основного содержания статей в целом соответствуют данным анализа заголовков.

Литература

1. Йоргенсен Марианне В., Филлипс Луиза Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Марианне В. Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс; пер. с англ.; 2-е изд., испр. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
2. Горелов В. Анализ дискурса в социальной теории: Мишель Фуко и Тьюен Ван Дейк / В. Горелов. Режим доступа: http://www.ecsocman.hse.ru/data/746/693/1219/glava_6.pdf. Дата обращения 10.02.2014
3. Володина Л.В. Деловое общение и основы теории коммуникации: учебно-метод. пособие / Л.В. Володина, О.К. Карпущина. СПб., 2002.
4. Жуков И.В. Критический анализ дискурса печатных СМИ: особенности освещения северокавказского конфликта 1998–2000 гг.: дис. ... канд. филол. наук / И.В. Жуков. Тверь, 2002.
5. Рихтер А.Г. Журналистика и война (освещение российскими СМИ военных действий в Чечне) / под ред. А.Г. Рихтера. 1998 URL. <http://www.medialaw.ru/publications/books/war>. Дата обращения 10.12.2013